Научное мнение. 2023. № 6. С. 36–41.
Nauchnoe mnenie. 2023. № 6. P. 36–41.
Научная статья
УДК 130.31
DOI: https://doi.org/10.25807/22224378_2023_6_36

ФАРИСЕЙСТВО КАК ИСКАЖЕНИЕ И ФОРМАЛИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Ирина Михайловна Лаврухина[1], Татьяна Николаевна Воронцова[2]
[1] Азово-Черноморский инженерный институт Донского государственного аграрного университета, г. Зерноград, Россия
[2] Донской государственный аграрный университет, пос. Персиановский, Ростовская область, Россия
[1] Lavruhina_i@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0002-7631-7667
[2] vorontsovatn@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1389-9583

Аннотация: В статье рассматривается социально-религиозный феномен фарисейства в единстве его этического, психологического и экзистенциального аспектов. Отмечается, что фарисейство есть порок, искажающий нравственную жизнь человека, его сущность — догматизм, двойная этика, моральный абсолютизм и демагогия. Психологически фарисейство проявляется в склонности к предрассудкам, лицемерии, ригидности, стремлении обвинять в грехах другого на основании лишь внешних признаков. В экзистенциальном смысле фарисейство обнаруживается в подмене подлинной религиозной веры ее внешними атрибутами. Авторы трактуют фарисейство как извращенную форму религиозного сознания и сравнивают его с подлинной религиозностью. Фарисейство — порок религиозной жизни, как индивидуальной, так и социальной. Институционализация фарисейства — одна из проблем возрождения религиозности в современной России. Сравнение фарисейства как личностного и институционального феноменов приводит авторов к выводу, что, будучи социальным явлением, оно в определенном смысле способствует институционализации церкви, так как закрепляет в формальных требованиях отправления религиозного культа. В то же время фарисейство может и должно преодолеваться ради сохранения подлинной религиозности, живой веры.

Ключевые слова: фарисейство, религиозный формализм, религиозная вера, институционализация религии.

Original article

PHARISAISM AS A DISTORTION AND FORMALISATION OF RELIGIOUSNESS

Irina M. Lavrukhina[1], Tatyana N. Vorontsova[2]
[1] Azov-Black Sea Engineering Institute – branch of Don State Agrarian University, Zernograd, Russia
[2] Don State Agrarian University, Persianovskiy, Rostov Oblast, Russia
[1] Lavruhina_i@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0002-7631-7667
[2] vorontsovatn@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1389-9583

© Лаврухина И. М., Воронцова Т. Н., 2023

Abstract. The article deals with the socio-religious phenomenon of pharisaism in the unity of its ethical, psychological and existential aspects. It is noted that pharisaism is a vice that distorts the moral life of a person, its essence is dogmatism, double ethics, moral absolutism and demagogy. Psychologically, hypocrisy manifests itself in a tendency to prejudice, hypocrisy, rigidity, the desire to blame the other on the basis of only external signs. In the existential sense, hypocrisy is found in the replacement of genuine religious faith with its external attributes. The authors interpret pharisaism as a perverted form of religious consciousness and compare it with genuine religiosity. Pharisaism is a vice of religious life, both individual and social. The institutionalisation of pharisaism is one of the problems of the revival of religiosity in modern Russia. The comparison of pharisaism as a personal and institutional phenomena leads the authors to the conclusion that, being a social phenomenon, it in a certain sense contributes to the institutionalisation of the church, since it establishes formal requirements of religious worship. At the same time, pharisaism can and must be overcome in order to preserve true religiosity, living faith.

Keywords: pharisaism, religious formalism, religious faith, institutionalisation of religion

Современное российское общество характеризуется значительным усилением религиозности. Присутствие церкви в общественном пространстве стало фактически обыденным явлением. Религиозные нормы и ценности нередко отождествляются с общечеловеческими или немного уже с традиционными. Однако распространение церковного влияния на различные сферы общественной жизни не означает роста действительно верующих россиян, многие ограничиваются лишь исполнением ритуальных действий православного культа. В связи с трудностью различения подлинной христианской религиозности и ее видимостью обретает значимость проблема фарисейства. Анализ данного феномена значим для понимания религиозной ситуации в современной России.

Фарисейство часто трактуется как показная лицемерная религиозность, хотя его смысл далеко не так однозначен. Впервые фарисеи упоминаются в Новом завете. Им приписывались такие качества, как лицемерие, тщеславие, жестокосердие и склонность к осуждению, гордыня, отсутствие покаяния. Фарисей, с одной стороны, религиозен, с другой — порочен. Отцы церкви называли фарисейство религиозным пороком еще в IV в. [1, с. 227–228, 272, 280, 344–345]. Впервые в качестве греховного недуга его описал святитель Игнатий (Брянчанинов) в XIX в. [2, с. 185–194]. Суть фарисея, по его мнению, заключается в том, что другие видятся ему гораздо более грешными на фоне собственных благих дел — подлинных или мнимых. Фарисей горд и слеп одновременно.

Восточное христианство нацелено на внутренний мир личности, на поиски путей преобразования души. Христианские мыслители обращались к образу фарисея, рассуждая о сложности этой стези.

В современном русском православии проблема фарисейства весьма злободневна, хотя нет однозначного понимания этого явления и его строгого определения. Часто оно истолковывается как искаженная праведность, подчеркивается, что этот «недуг» обнаруживается у человека, который уже прошел определенный путь духовного развития [3, с. 69–71; 4, с. 241–242; 5].

Дефективность фарисейства в том, что оно оборачивается неприязнью и даже ненавистью к тем, кто не признает достоинств фарисея. Фарисей не понимает или не признает того, что все люди — грешники перед Богом, включая и его самого. Он отстаивает свои личные добродетели — действительные или мнимые, а также совершенство авторитета, связь с которым дает ему моральное право судить других.

Понимание фарисейства предполагает выявление его характерных черт, особенно морально-этических. Сущность фарисейства — чрезмерное морализаторство, лицемерие и

двойные стандарты, этический максимализм и демагогия. С позиции этики, фарисейство — искажающий нравственную жизнь человека порок.

В то же время фарисейство не тождественно перечисленным понятиям. От лицемера фарисей отличается тем, что первый лжет осознанно и в утилитарных целях, фарисей же действительно верит в свое превосходство, ему присущ неосознанный нарциссический самообман.

Фарисейство имеет сходные черты с фанатизмом. Фарисей, как и фанатик, идею ценит выше человека и готов им жертвовать ради чистоты соблюдения принципа, поэтому фарисейство и фанатизм являются искаженными формами религиозного сознания.

Воля фарисея направлена в ложном направлении: он нацелен на соблюдение формы, внешних правил и постоянно ищет то, что не соответствует принятому стереотипу. При этом оценивается не он сам, а другие, которые нетерпимо и агрессивно подвергаются строгому осуждению.

В фарисействе обнаруживается также склонность к предрассудкам, догматизму, ригидность, стремление обвинить другого человека в грехах на основании внешних признаков. Оценка собственной религиозности у фарисея чрезмерно завышена, что дает ему право судить других людей, хотя в действительности отсутствие внутренних сомнений подавляет его духовное саморазвитие.

В экзистенциальном смысле фарисейство проявляется в подмене подлинной веры в Бога ее внешними атрибутами. Место Бога занимает церковь. Ей человек отдает свою свободу, снимая при этом с себя ответственность и успокаиваясь осознанием принадлежности к ней. В душе фарисея нет места искренней, настоящей вере, которая обретается самостоятельно, а не принуждением, подражанием или научением. Каждый действительно верующий находит свой личный путь к Богу.

И.А. Ильин писал, что «религиозность в основном существе есть духовное, целостное, жизненное и безусловное приятие Божества как совершенного и реального средоточия жизни» [6, с. 397]. Из этого вытекает, что, во-первых, религиозность основана на глубоко личном движении души и не может быть навязана никаким авторитетом — ни церкви, ни государства, во-вторых, религиозность затрагивает человека целиком, отражается в его мыслях, чувствах и действиях, в-третьих, религиозность — это деятельная сила, преображающая всю жизнь человека. Как видно, фарисейство не обладает ни одним из этих признаков, поэтому его нельзя считать подлинной религиозностью.

Формированию подлинной религиозности, по мнению христианских богословов, должен способствовать институт религиозных догматов и канонов, что справедливо. Статус святых догматов и канонов в Церкви вполне определен. Авторитетный православный богослов архимандрит Юстин (Попович) пишет: «Догматы суть общеобязательные истины веры еще и потому, что они — богоданные нормы правильного религиозного мышления и верного религиозного чувства. Опираясь на них, каждый христианин может возвышать свою мысль и чувство до недосягаемых божественных совершенств. Вне их он постоянно утопает в зыбком песке человеческого релятивизма, пока тот не поглотит его совсем» [7]. В свою очередь, следование святым канонам способствует воплощению в повседневной жизни святых догматов — «солнцезрачных небесных истин» [8]. Более того, как отмечает В. Цыпин, святые каноны играют и роль критериев «правильной ориентации в актуальных проблемах церковной жизни» [9].

Однако, нам представляется, что признанное святым содержание канонов не исключает автоматически возможность проявления фарисейства в религиозной жизни.

В постперестроечный период Русская православная церковь тоже столкнулась с проблемой фарисейства. С одной стороны, десятилетия коммунистического правления и атеистического воспитания обусловили разрыв преемственности в религиозной практике, с другой стороны, церковь стала активно поддерживаться государством. Все это привело к появлению большого количества но-

вых «верующих», обладающих фарисейскими чертами. Сегодня в России фарисейство выражается в таких явлениях, как обрядоверие (подмена духовной жизни исполнением ритуалов), религиозный фундаментализм и искажение института пастырства.

Инфантильность верующих не может быть преодолена просто «систематическим изучением серьезной православной литературы» [10, с. 35], как советует митрополит Иларион (Алфеев). Такие новые «верующие» в первую очередь ориентированы на исполнение религиозных обрядов, веру понимают как следование внешним религиозным ритуалам, зачастую глубинной потребности в Боге у них нет.

Этому способствует и то, что Русская православная церковь особенно активна в таких направлениях, как благотворительность и просветительство, а духовное наставничество, кропотливая каждодневная работа пастырей церкви по преодолению греховности, очищению души и поддержка прихожан в этом же находятся на периферии. В этом просматривается определенный «заказ» государства. Человеку легче всего обозначить себя как принадлежащего к той или иной конфессии с помощью обрядов: поставить свечку в церкви, соблюдать посты и праздники, знать молитвы и т.д. Поэтому религиозная жизнь фактически сводится к правильности исполнения ритуалов.

Стремительная массовизиция христианства увеличивает опасность формализма в виде фарисейства. Так, С. Л. Франк отмечал по этому поводу: «Фарисейство есть не отдельное конкретное историческое явление, а имманентное, всегда вновь возрождающееся заболевание человеческого духа. Его существо заключается в смешении самой святыни с внешними формами и способами ее осуществления, в силу чего она теряет характер подлинной святыни» [11, с. 199]. «Болезнь» фарисейства — это попытка насадить внешними мерами и общественными реформами «царство Божие на земле».

Фарисейство есть обязательная сторона, неотъемлемое проявление как индивидуальной, так и социальной религиозной жизни. В индивидуальном плане оно выражается в том, что человек обманывается: будучи грешным, считает себя праведником. В социальном плане фарисейство проявляется в буквальном следовании религиозной догме, безжизненной доктрине, искажающей подлинный смысл христианства. Характерно, что эта проблема типична не только для России, но и для Запада — о ней говорят и пишут многие исследователи [12; 13].

В наши дни в религиозной жизни России нарастают проявления фарисейства. Возрождение духовности в нынешнем виде имеет признаки религиозного самообмана на государственном уровне, который так же опасен, как и на индивидуальном. Это проявляется в том, что церковь, реализуя свой собственный интерес, уверена, что влияет на духовную жизнь людей и воспитывает религиозность населения. При этом используются государственные ресурсы за счет срастания с государством и превращения веры в идеологию.

Исторически фарисейство зародилось как социальный опыт. Первые объединения людей складывались на почве сходства интересов, затем вырабатывались некоторые воззрения, в том числе религиозные, которые со временем становились идейной основой массовых движений. Фарисейство возникло у иудеев сначала как стремление как можно более точно и строго соблюдать Закон. Стала складываться устная традиция, в которой закреплялись выработанные религиозные практики, осуществлялась их формализация.

Такой путь развития вероятен и в других конфессиях. А. Бергсон описал подобный вариант в своей концепции статический и динамической религии [14]. В качестве основных этапов он выделял: 1) подлинно духовный религиозный опыт «первопроходцев»; 2) затем его канонизацию в форме заповедей и законов, первоначально необходимую формализацию (доведенную впоследствии до формализма) и догматизацию (вырождающуюся позже в догматизм); 3) возникновение религиозных институтов, например, церкви, следящих за канонами и догмами; 4) превращение религиозной традиции в идеологию, которая навязывается неофитам, что принципиально

невозможно для истинной религиозности. Так формируется внутриконфессиональное институциональное фарисейство. Неофиты выражают свою «религиозность» через формальное исполнение обрядов, то есть формируется личностное фарисейство.

Можно заключить, что развитие христианской церкви предполагает, подразумевает и даже нуждается в фарисействе на отдельных этапах своей истории. Церковь как социальный институт в определенном смысле обречена быть фарисейской, потому что благодаря этому сохраняется и воспроизводится духовная традиция.

В принципе самосохранение любой социальной системы реализуется через формализацию, ибо она обеспечивает устойчивость и упорядоченность, хоть и за счет ограничения творческого начала. Это характерно не только для религиозных, но и для светских институтов, которые консервируют себя с помощью бюрократизации, перекликающейся по смыслу с фарисейством за счет строгого соблюдении формы в отрыве от содержания. Фарисейство, строго сохраняя религиозную систему, как правило, изгоняет из нее живое содержание. Это и произошло с теми фарисеями в Древней Иудее, которые привели к распятию Христа, т. е., по сути, проявили враждебность по отношению к самой вере, что привело к ее омертвению.

Проведенный анализ подводит к выводу, что фарисейство как социальное явление в определенном смысле способствует институционализации церкви, закрепляя в формальных требованиях отправления религиозного культа. В то же время фарисейство может и должно преодолеваться ради сохранения подлинной религиозности в качестве «духовного, целостного, жизненного и безусловного приятия Божества как совершенного и реального средоточия жизни», о котором писал И. А. Ильин [6, с. 397]. Решение данной задачи лежит на совести каждого верующего человека.

Список источников

1. *Макарий Великий, преп.* Духовные беседы, послания и слова. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2004. 400 с.

2. *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Аскетические опыты: в 2 т. Т. I. М.: Сибирская благозвонница, 2012. 308 с.

3. *Савва (Остапенко), схииг.* О главных христианских добродетелях и гордости. Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издательский комбинат Республики Марий Эл, 1991. 236 с.

4. *Паисий Святогорец, старец.* Слова. Том I. С болью и любовью о современном человеке / Пер. с греч. иеромонаха Доримедонта. М.: Издат. дом «Святая гора», 2004. 406 с.

5. *Мария Монахиня.* Оправдание фарисейства // Путь. Орган русской религиозной мысли. 1938. № 56. Май-июнь. С. 37–46.

6. *Ильин И. А.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4 / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1994. 624 с.

7. *Преподобный Иустин (Попович).* Т. 2. Догматика православной церкви. Бог в самом себе. Отношение Бога к твари // Собрание творений преподобного Иустина (Поповича) Т. 2, ч. 1–2. М.: Паломник, 2006. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Iustin_Popovich/sobranija-tvorenij-tom2/(дата обращения: 15.05.2023).

8. *Преподобный Иустин (Попович).* Догматика православной церкви. Сотериология. Экклесиология) // Собрания творений преподобного Иустина (Поповича) Т. 3 / Под общ. ред. проф. Моск. Духовн. Акад., д-ра церк. истор. А. И. Сидорова, пер. С. П. Фонова. М.: Паломник, 2006. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Iustin_Popovich/sobranija-tvorenij-tom3/1_2 (дата обращения: 15.05.2023).

9. *Цыпин В.* Каноны и церковная жизнь / Электронная библиотека одинцовского благочиния. URL: http://odinblago.ru/kanonika/kanoni_i_cerkovnaya_zhizn/ (дата обращения: 15.05.2023).

10. *Иларион (Алфеев), еп.* Православное богословие на рубеже эпох. Кіев: Дух і Літера, 2002. 536 с.

11. *Франк С. Л.* Духовные основы общества. Введение в социальную философию. М.: Республика, 1992. 511 с.

12. *Blue Samantha.* The Pharisee Church // Senior Honors Thesis. Liberty University, 2012. 28 p.

13. *Walford N.* How to survive in the Pharisee Church. Enumclow, WA: A Division of WinePress Group, 2010. 260 p.

14. *Бергсон А.* Два источника морали и религии / Пер. с фр., послесл., прим. А. Б. Гофмана. М.: КДУ, 2010. 288 с.

Статья поступила в редакцию 21.05.2023; одобрена после рецензирования 23.06.2023; принята к публикации 26.06.2023.
The article was submitted 21.05.2023; approved after reviewing 23.06.2023; accepted for publication 26.06.2023.

Информация об авторах:
И. М. Лаврухина — доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков;
Т. Н. Воронцова — кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин.
Information about the Authors:
I. M. Lavrukhina — Doctor of Sciences (Philosophy), professor at the Department of Humanities and Foreign Languages;
T. N. Vorontsova — Candidate of Sciences (Philosophy), associate professor at the Department of Foreign Languages, Social Sciences and Humanities.